

Э. Свидерский

ИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА

В ФИЛОСОФИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Свидерский Эдвард — доктор философии, главный редактор журнала «Studies in East European Thought», Фрибург, Швейцария.

I

Научный реализм в философском исследовании переживает сегодня тяжелые времена. Отвергается устремленность науки ко все более глубокому проникновению в родовую типологию явлений, в их генеративные механизмы и характерные формы обнаружения. Противники научного реализма обращаются в своей аргументации как к истории науки, так и к изощренному семантическому анализу внутренней структуры и процессов формирования мировоззренческих систем¹. При этом споры о реализме чаще всего ведутся по поводу статуса и истории естественных наук, а не гуманитарных. Неужели все вдруг решили, что смену теорий и объектов дискурса в гуманитарных и общественных дисциплинах нельзя рассматривать как постепенное приближение к истине?

При обсуждении контрверз, возникающих по поводу объяснительной редукции, проблема реализма в науке перемещается в сферу онтологии. По-видимому, научного реалиста мало удовлетворяют редукции, цель которых — доказать, что некий x в теории Γ' есть «не что иное как» y в теории Γ'' . Он скорее склонен уточнять и дополнять объяснение некоего явления, маркируемого как x в теории Γ' и как y в приходящей ей на смену теории Γ'' , так что последняя строится на основании зафиксированного ранее образа структуры и природы явления, одновременно внося в него коррективы и достигая, тем самым, лучшего, то есть, более полного его объяснения. Но в этом случае позиция реалиста оказывается шаткой, поскольку он обнаруживает, что его эпистемология не согласуется с происходящими время от времени онтологическими элиминациями, которые документально установлены философски мыслящими историками науки. Правда, реалист может утешать себя тем, что в споре со скептиками, такими, например, как Х. Патнэм с его «метаиндукцией», его позиция отнюдь не хуже позиции антиреалиста. Тем не менее, вера реалиста в то, что устоявшиеся теории действительно дают некий срез реальности, постоянно встречает сопротивление.

Философы и здесь обращают особое внимание на естественные науки и проявляют сравнительно меньший интерес к возможностям объяснительных редукций только что описанного типа в рамках² гуманитарных и общественных наук. Значит ли это, что все сомнения относительно онтологического статуса теорий в этих дисциплинах уже разрешены?

Краткая характеристика широко распространенного среди философов отношения к статусу теории в гуманитарных и общественных науках, на наш взгляд, может несколько прояснить ситуацию. Хотя наше описание не отражает всего спектра существующих точек зрения, в нем достаточно четко подразумевается следующее: в настоящее время реализм, постулирующий все более адекватное познание истинной природы объектов, согласующееся с уточняющей объяснительной редукцией теорий и дополняемое ею, — не самая удобная позиция для философа, изучающего методологию гуманитарных и общественных наук. При этом, однако, философы-обществоведы не желают идти по пути элиминаций и решить проблему статуса реалистических теорий, слегка пройдясь онтологическим скальпелем по сомнительным объектам. Они, правда, иногда поднимают вопрос о научности гуманитарных дисциплин, но никогда не ставят под сомнение познавательную ценность своих собственных утверждений. К примеру, автор статьи

¹ Аргументы «за» и «против» хорошо представлены в [1; 2; 3; 4].

² Мы говорим «в рамках», так как имеем в виду такие внутренние отношения между дисциплинами, которые сложились, скажем, между экономикой и психологической теорией принятия решений, или лингвистикой и когнитивной наукой, где редукция, понимаемая как «элиминация», не является адекватной стратегией.

«Если экономика не наука, то что?» [5] отнюдь не полагает, что экономистам следует сдаться на милость более, так сказать, компетентных естественнонаучных и/или точных наук. Напротив, он с новой силой убеждает, что многие традиционные вопросы просто неверно сформулированы, что ключевые для методологии естественнонаучного и формально-логического исследования проблемы реализма и редукции не столь значимы для гуманитарных и общественных дисциплин. Однако, другой стороной медали оказывается амбивалентность онтологического статуса объектов изучения, которую в этом случае связывают с особенностями дискурса наук о человеке.

На наш взгляд, признание за общественными науками особого статуса стало возможным, главным образом, благодаря «семантизации» их исследовательского поля. В традиционной терминологии можно говорить о вновь возобладавшем убеждении, что методы и объекты этих наук интерпретативны по своей природе и эта их черта является радикально выраженной [6]. Другими словами, природа методов и объектов стала мысленно увязываться, и даже отождествляться, с природой лингвистических сущностей. При этом, в обстановке «постпозитивистского» консенсуса среди философов современная интерпретационная парадигма не является прямым продолжением философской герменевтики прошлого, которая зачастую восходила к метафизике «культурной» реальности (объективный «дух» и т. п.) и была открытым противником позитивистских и натуралистических доктрин. Современные направления ставят себе в заслугу собственную «бесплотность», или, по крайней мере, [метафизическую] анемичность. Здесь имеются в виду сторонники «интерналистского», т. е. прагматистского подхода к интерпретации.

Кроме того, в данной статье мы покажем, как далеко заводят философов современные антиреалистские настроения. Для этого мы рассмотрим одно из прямых следствий этих настроений, а именно статус, приписываемый человеческому субъекту. Как источник «объектов» социальных и гуманитарных наук (что само по себе уже требует специального исследования) человеческий субъект должен, как кажется, быть высшей инстанцией, определяющей *modus vivendi* и сущностные характеристики этих «объектов» [7; 8]. Совсем недавно Ричард Рорти исчерпывающе разъяснил позицию тех, кто сегодня стал под знамена радикальной интерпретационной парадигмы [9]. Точка зрения Рорти полностью подтверждает тезис об антиреалистской направленности данной парадигмы.

При том что анализ этого течения в современной западной философии без сомнения заслуживает специального исследования, мы, быть может, злоупотребляя терпением читателя, позволим себе расширить тематические рамки статьи и осветить позицию Познаньской школы по данной проблематике³. С одной стороны, Познаньская школа разработала собственную версию интерпретационной парадигмы, опираясь на вполне определенный подход к проблемам реализма и редукции. С другой стороны, многое из того, что написано познаньскими теоретиками о методологии гуманитарных и общественных наук, так или иначе носит отпечаток некоторых аспектов марксистского учения. В числе задач данной статьи — анализ их концепций, имеющих некоторые параллели в западной философии, и, по мере возможности, сравнительная реконструкция идей — там, где соответствующие концепции не выражены у познаньцев достаточно явно. Под этим углом зрения будет рассмотрена природа действия и статуса деятеля.

II

Истоки интерпретационной парадигмы обнаруживаются преимущественно в психологической ориентации. По-видимому, не будет ошибкой сказать, что философы до сих пор еще нередко задаются вопросом, не следует ли такие дисциплины как историю, литературоведение, культурную антропологию и даже экономику (по крайней мере на микроуровне) относить к широко понимаемой психологии (недавний обзор этой проблемы содержится в книге А. Розенберга [10]). Споры возникают просто потому, что в этих дисциплинах центральным объектом исследования являются действие и его детерминанты. Отсюда делается вывод, что существует, должна существовать некая связь гуманитарных наук с психологией, поскольку, с одной стороны, объектами первых являются широко трактуемые действия и/или их результаты, а с

³ Сегодня вряд ли возможно говорить о Познаньской школе как о едином целом. Во всяком случае польские философы сходятся во мнении, что никакой школы больше не существует. Два ведущих ее представителя Л. Новак и Я. Кмита в настоящее время далеко ушли от проблем, которые некогда рассматривались в их теориях, и развивают вместе со сподвижниками собственные направления. К «Познаньской школе» в данной статье отнесены теоретические воззрения Кмиты и его учеников.

другой стороны, психология специально исследует пропозициональные установки — убеждения, желания и т. п., обычно относимые к «детерминантам» действия. Логичным кажется допущение о существовании внутренней связи между описанными как пропозиции ментальными состояниями, якобы детерминирующими действие, и соответствующим образом описываемыми объектами, отождествляемыми с результатами или продуктами интенционального действия (варьирующего от повседневного — тыканье пальцами, жестикуляция, до возвышенного — создание произведений искусства).

Поэтому в своих философских реконструкциях наук о человеке англо-американские авторы 60—70-х годов часто пытались истолковать их с точки зрения так называемой «обыденной» психологии, поскольку люди в повседневной жизни неявно опираются на нее как на «теорию», обосновывающую и объясняющую их собственное поведение и поведение других [11; 12]. Основной стратегией здесь стало истолкование «единой теории смысла и действия» (так озаглавил одну из своих статей Д. Дэвидсон [13]), или «теории рационального деятеля» (ТРД), [6; 14]. Центральным пунктом явилось положение о том, что в любом исследовании выделяемых на уровне «обыденной психологии» явлений, термины и понятия должны «соответствовать» уже бытующим в «народе» конструктам. Здесь, в духе открывающих статью замечаний о реализме и редукции, встает вопрос, является ли «соответствие» между «обыденной психологией» и ТРД тем, что в философии науки называют объяснительной редукцией. Если к этому вопросу относиться серьезно, необходимо по меньшей мере допустить, что данная проблемная область имеет некую внутреннюю, возможно даже номологическую структуру. Соответствующая исследовательская программа должна показать, как встраивается теория T' — к примеру, «обыденная» психология — в теорию T'' , обладающую большей объяснительной способностью — в данном случае, в некоторый вариант ТРД, специально адаптированный для каждой гуманитарной и/или общественной дисциплины, «отвечающих» за тот или иной аспект поведения вкупе с его детерминантами.

Не секрет однако, что в последнее время философы все реже рассматривают обыденную психологию как полноценную теорию, описывающую некоторую область реальности. Яркие ее противники (например, П. Черчлэнд и А. Розенберг) едва не уравнивают ее с мифологией, подлежащей, по их мнению, искоренению где только можно, и высказываются в пользу строго материалистического подхода. Но тем самым, они отрицают и то, что ТРД явилась шагом вперед на пути к научно обоснованному пониманию поведения. Большинство философов, правда, придерживаются более «умеренных» позиций. К примеру Д. Дэвидсон защищает ТРД вопреки, а вернее как раз благодаря, своей уверенности в том, что она лишена всего того, что ищут в ней научные реалисты, — в частности, восприимчивости к объяснительным редукциям в рамках более общих законов, намеченных в свободных от интенциональности физикалистских теориях. Он видит достоинство в кажущемся отсутствии закономерных связей между обычно относимыми к сфере ТРД конструктами⁴.

По мнению Дэвидсона и его сторонников обыденная психология и ТРД не находятся в отношениях редукции, чего так хотят реалисты. Более того, из-за сомнений в реальности существования номологической структуры, укорененной в природных, до-психологических качествах человека, ТРД вообще нельзя рассматривать в качестве редукции. ТРД и а fortiori обыденная психология, таким образом, оказываются в привилегированном положении: обе получают статус «теорий» только потому, что представляют структуру интенционального действия в дискурсе, оставаясь при этом вне более общей номологической иерархии.

Смысл этой позиции может быть полнее уяснен в контексте дискуссий о статусе так называемого принципа рациональности [16, 17, 18]. С одной стороны Поппер, а с другой — Гемпель и Нагель отрицали, что объяснение в гуманитарных и общественных дисциплинах может опираться на смутные интуитивные образы, «вчувствования» и т. п. Напротив, доказывали они, объяснения строятся с соблюдением логики гипотетико-дедуктивного, точнее дедуктивно-номологического метода. Но поскольку реконструкция «гуманистической» методологии строилась на допущении рациональности, им необходимо было ответить на один нелегкий вопрос: играет ли это допущение ту же роль, что и эмпирически установленные законы в естественнонаучных объяснительных схемах.

В спорах по этой проблеме так и не было достигнуто согласие по поводу сущностных и

⁴ Прежде всего я имею в виду широко обсуждавшуюся программу Дэвидсона, включающую его высказывания в пользу «аномального монизма» [15].

приписываемых принципу рациональности характеристик. Одни утверждали, что допущения рациональности гарантируют возможность перехода от типических объясняющих конструкторов [explanantia], включающих в себя описания детерминирующих действие убеждений и желаний, к объясняемому [explananda], т. е. к характеристике некоторого действия или некоторой ситуации, сложившейся в результате действия. Это означало, что в рамках логики объяснения, допущение рациональности в гуманитарных науках аналогично принципам и законам, используемым в естественных науках. Другие, и это вызывало еще большие возражения, настойчиво подчеркивали решающую эпистемологическую роль допущений рациональности. По их мнению, эти допущения задают направление и структуру самой эвристики теоретических построений в гуманитарных науках. Иначе говоря, является ли допущение рациональности в общественных и гуманитарных науках своего рода заместителем еще не открытых естественнонаучных (психофизиологических и, в конечном итоге, физиологических) законов; или это самодостаточный «закон», который упорядочивает выделяемые «теорией рационального деятеля» элементы повседневной жизни?

В последнее время к этой дискуссии была привлечена теория действия. В частности, сторонники антиномологического взгляда нашли в ней аргументы в поддержку своей позиции. В ведущихся спорах программа Д. Дэвидсона занимает центральное место благодаря способу аргументации, с помощью которого автор отстаивает «холистскую» парадигму: он утверждает, что [невербальные] действия, внутренние убеждения и высказывания (utterances) нельзя рассматривать в отрыве друг от друга. Центральным пунктом позиции Дэвидсона является утверждение о том, что спор между теми, кто признает, и теми, кто не признает существование закономерных связей в сфере, относимой к «обыденной психологии», на самом деле не имеет большого значения. Неправоту обеих позиций можно усмотреть разве что в их односторонности, поскольку, как подчеркивает Дэвидсон, основания рассудка объясняют действие тогда и только тогда, когда они являются и его причиной. Иными словами, только исходя из собственного понятия рациональности, мы можем верить, что действия, так же как и служащие их причиной рассудочные доводы, являются результатом других описаний, сделанных в полном соответствии с языком событийной причинности.

Дэвидсон поднимает ключевые для споров о статусе гуманитарных и общественных дисциплин проблемы. Мы отмечали, что исходным пунктом этих споров является выяснение отношения указанных дисциплин к психологии, то есть к обыденной психологии и дополняющей ее ТРД. Но теория действия⁵, со всеми ее умозаключениями относительно основания действия и т. п. не имеет точек соприкосновения с психологией, по крайней мере, на той стадии, где исследуется проблема «демаркации» действия от простого события. Там же, где психология вступает в свои права, в частности в изучении комплекса «убеждение—желание», традиционно считающегося «детерминантой» всякого действия, теория действия может привлекаться для уточнения предмета собственно психологического исследования.

В то же самое время сторонник теории действия, противясь психологическому крену, вынужден признать, что изучаемая им связь между действием и его «детерминантами» останется непроясненной до тех пор, пока не будет найдено какое-то иное «теоретическое» решение вопроса о природе этой связи. Это можно продемонстрировать следующим образом.

Условно говоря, если действия будут отождествляться с поведенческими событиями, причины поведения и типические детерминанты действия окажутся неразличимыми. Но тогда, принимая основание за причины действия, мы должны будем сначала выделить те случаи, когда доводы являются лишь объяснением действия. Такую позицию отстаивает фон Вригт, утверждая, что производимое действие является единственным доказательством реальности обусловивших его оснований⁶. Таким образом, остается совершенно непонятным, как обращение к инфраструктуре поведения⁷ может помочь в прояснении предполагаемой причинной связи между осознаваемыми доводами деятеля и его действием.

Поднимался также вопрос о необходимости увязки с «социальной» перспективой той минимальной пропозициональной структуры сознания, наличие которой допускает теория

⁵ Основные моменты этой дискуссии хорошо представлены в работах Р. Туомсла [20].

⁶ Это лишь один из аргументов фон Вригта против «каузализма», которому он противопоставляет свой «интенционализм», нередко определяемый в литературе как «доказательство логической связи». Разногласия по данному вопросу хорошо описаны в работе Ф. Стаутлэнда [21], давшего развернутое сравнение позиций фон Вригта и Дэвидсона.

⁷ Туомела критикует стандартные теории действия за их слабое онтологическое основание и предлагает взамен свою четко сформулированную концепцию [22].

действия [23]. Но это противоречит распространившейся в социальных и гуманитарных науках склонности к «методологическому индивидуализму» (направленному против всякого рода «холизма», «коллективизма» и т. п.)⁸. «Индивидуализм», по крайней мере в какой-то степени, отвечает принципу экономии: если теория допускает наличие у действия детерминант — оснований, соотносящихся с социальным окружением («ситуацией»), то эту «социальную» теорию логично проверить исходя из индивидуальных установок и их агрегатов, находящихся проявление в рациональном действии. Там, где исследование имеет слабое отношение к теории действия (в узком смысле), индивидуалистическая ориентация может быть плодотворной. Однако при антипсихологической, «холистской» трактовке ментального методологический индивидуализм не получит твердых оснований до тех пор, пока не будет решен вопрос о статусе «индивида», то есть, в данном случае, о связи между действием и детерминирующими его факторами. Такие социокультурные явления, как убеждения и предпочтения, к которым прибегают в объяснительных схемах гуманитарные и общественные науки, сами получают объяснение посредством описаний, даваемых деятелями, то есть в «интерпретации».

В силу вышеизложенного можно сказать, что индивидуалистическая ориентация с одинаковым скепсисом относится как к психологическому редукционизму, так и к коллективистской трактовке социальных сущностей. В результате, несмотря на формальную онтологизацию событий, индивидуалистическая теория действия ограничивается, главным образом, рассмотрением семантики действий, внутренних убеждений и высказываний, а следовательно, занимает онтологически неопределенную позицию.

Это можно увидеть, если проанализировать понятие деятеля (субъекта) в интерпретационной парадигме. В этом отношении весьма поучительно, на наш взгляд, сравнение двух трактовок субъекта: трактовки К. Поппера, который в целом мало повлиял на дальнейшее развитие теории действия, и трактовки Р. Рорти, разработанной в дополнение к дэвидсоновской программе создания единой теории значения и действия.

Попперовская концепция ТРД базируется на трех элементах: (1) онтологизации трех миров, (2) «эпистемологии без познающего субъекта» и (3) методе ситуативной логики в общественных и гуманитарных науках [24]. В соответствии с последним, для нужд дискурса действие следует моделировать как приспособление к ситуации (то есть как проблему) или как «логически» выводимое ответное действие⁹. Импликации попперовской ТРД восходят к концепции *homo oeconomicus*, разработанной в неоклассической экономической теории. Через идеализацию обладающего полной информацией субъекта, попперовская программа сближается с так называемым «ситуационным детерминизмом», в соответствии с которым рациональное поведение каждый раз строится как единственное решение (*single exit*), при котором предварительный анализ возможных вариантов с обращением к мотивационным, то есть причинным, дорациональным факторам оказывается излишним¹⁰. В пределе теория Поппера приводит к парадоксальному выводу о том, что «рациональное действие» не нуждается в реальном субъекте. При анализе причинных (то есть психологических и допсихологических) компонентов актуализирующейся деятельности субъект трактуется, таким образом, что он полностью оказывается в попперовском «втором мире» — мире фактов, который не соприкасается с ситуационной, то есть, рациональной структурой действий. Его позиция оказывается столь же концептуальной, сколь и фактуальной: если рациональное действие целиком задается ситуацией, то оно вместе с психологическими и допсихологическими детерминантами подпадает скорее под категорию «поведения».

И все же те, кто противостоит утверждениям реалистов о том, что объяснительная редукция ТРД отвечает духу научного прогресса, кое-чем обязаны Попперу. Более того, в данном вопросе он оказывается среди сторонников интерпретационной парадигмы. Хотя последним едва ли по душе усложненная картина мира Поппера, в одном они в равной мере противостоят редукционистам. По их мнению, «рациональность» подразумевает существование целостной структуры «психического», а при таком понимании к ментальному не применимы критерии индивидуации и классификации входящих в закономерные связи элементов. Условия, при которых субъект приписывает рациональные убеждения и предпочтения, во всех случаях отличаются от условий приписывания поведенческих, т. е. психологических, и, в конечном итоге, допсихологических, предикатов. Отсюда и утверждение о том, что психическое не знает

⁸ В настоящее время 10. Элстер стоит во главе ряда социологов и философов, разрабатывающих индивидуалистскую программу исследования рациональности дэвидсоновского толка.

⁹ Наиболее полно взгляды Поппера на эту проблему изложены в книге [25, р. 357—365].

¹⁰ Попперовский подход распространил С. Лацис на экономическую теорию [24].

закономерностей.

И все же, несмотря на то, что о «рациональном деятеле» сказано много, вопрос о его статусе до конца не решен. Теория Поппера «преуспевает» в сведении на нет любых реалистских концепций деятельности, тогда как разного рода дэвидсоновцы (а в сущности и фонвригтовцы) оставляют вопрос открытым, поскольку казуальная природа деятельности (agency) либо не связывается с интенциональностью, либо вообще обходится молчанием¹¹. Отдельные авторы доходят до утверждений, что действия суть последовательно интерпретирующие друг друга конструкторы, что в рамках определенного контекста все компоненты рассматриваемого «действия», включая телесные движения и процессы, составляют некоторое множество «конструкторов», связанных между собой лишь «дескриптивно» (интерпретативно)¹². Здесь мы видим всю серьезность последствий систематических расхождений в условиях приписывания предикатов, используемых в ТРД, и предикатов, характерных для физикалистских и психофизиологических теорий о «реальной» подоплеке деятельности (при том, что действие является в конечном итоге еще и событием). Кто или что в конце концов является деятелем?

Некоторые комментаторы рассматривают эту проблему в свете концепций «радикальной интерпретации», связанных с именами Дэвидсона и Куайна [6; 28]. Этот тип ТРД способен оказать сильное влияние на любую трактовку деятеля по той простой причине, что здесь пресекаются любые попытки встроить рассматриваемые ею связи в не релятивизированную интерпретационными конструктами теорию. Куайн и Дэвидсон отрицают, что социолог приписывает деятелю убеждения, предпочтения или другие подобные им действия ради проверки принципов ТРД, или другой, сходным образом трактующей данную проблематику теории. Напротив, лишь основываясь на принципе рациональности и выводимых из него стандартах интерпретации, исследователь может проверить приписываемые деятелю атрибуты установочной и поведенческой рациональности. Укажем здесь на сложные функции ТРД: она обосновывает только те объяснения действия, которые соответствуют эвристике, содержащей саму практику их описания, объяснения и интерпретации. По словам одного комментатора, «правильнее будет сказать, что сознание других [а вместе с ним и их действия — Э. С.] является скорее продуктом интерпретации, нежели ее объектом. Сознание другого, по Куайну и Дэвидсону, — это то, что мы приписываем личности, когда даем рациональное объяснение ее поведению. Оно не более реально, чем наши объяснения» [28]. Строго говоря, это замечание содержит внутреннее противоречие, поскольку в нем противопоставляются зависимые от интерпретации «мысли» и личность, как будто последняя не является своего рода сплавом выделенных в интерпретации свойств индивида. Возможно, комментатор согласился бы с тем, что такое сопоставление не вполне удачно, и что любой верифицируемый концепт личности предпочтительнее строгой онтологической категории. Тем не менее, подобная небрежность в обращении с термином «личность» может быть понята в свете дэвидсоновского «холизма», поскольку предлагаемая им единая теория значения и действия определенно базируется на убеждении, что в ней артикулируется глубинный конституирующий принцип, куда включается и наше понимание самих себя как деятелей¹³. Однако на этом полностью исчерпываются ресурсы утверждения о произвольности сознания: если ТРД призвана стать по указанным выше соображениям «философским основанием» гуманитарных наук, то реализм, в том виде, в каком его отстаивают наиболее последовательные сторонники, не имеет серьезных перспектив.

Дэвидсон без сомнения постарался бы избежать подобных выражений, однако его холизм в обосновании ТРД имеет привкус «трансцендентализма», и даже «априоризма». Как еще можно квалифицировать его взгляды на природу существа, чье «сознание» и «действие» являются продуктом интерпретаций, если интерпретация сама является действием этого существа? Разве нет здесь в конечном счете структуры, проделывающей интерпретацию и отдающей в ней отчет, так сказать, некоей протяженности в человеческой природе на уровне сознания? Одна из последовавших реакций содержала легкий привкус парадокса — а именно, каким образом мы, задавая вопрос сами себе, можем в общем и в частности знать, что считается, или может считаться ответом?

¹¹ Дэвидсон, например, хотя и признает влияние причинных факторов на действие и его объяснение, тем не менее эксплицитно отвергает возможность анализа причинных отношений. В его концепции нет мест?, так называемой «причинности деятеля», как это показал И. Голбсрг, оспаривая утверждение Чисольма о существовании особой формы причинности, отличной от обычной «преходящей» причинности [26].

¹² Среди сторонников подобных теорий ведущую роль играет Х. Ленк [27].

¹³ «Конструкционистский» взгляд на личность изложил Р. Харре [29].

Неудивительно, что подобная «провокация» последовала со стороны Р. Рорти [9]. Суть его выпада прямо касается темы настоящей статьи: дать краткое опровержение любым попыткам доказать, что ТРД является (само)артикулирующей конституирующей принципа, вписанного (inscribed) в глубинные структуры личности. Рорти не просто «закрывает» всевозможные остаточные усилия вписать ТРД в реалистскую программу, он дает, так сказать, *coup de grace* предположению, что ТРД предоставляет наилучшие возможности для разработки таких понятий как «личность», «деятельность» и любых других, связанных с идеей личностной идентичности. Его доказательства выдержаны в русле традиции, заложенной Пирсом, Джемсом, Дьюи и продолженной Куайном, Селларсом, Путнэмом и, по мнению Рорти, наилучшим образом представленной в работе Дэвидсона [9, p. 293]. Следует отметить, однако, что Рорти предостерегает Дэвидсона от неверного понимания собственных открытий и от необдуманного присоединения своего голоса к мифостроительству по части реальности субъекта.

Установку Рорти хорошо передает следующее его высказывание: «... Было бы неверно полагать, что категория сознания не соответствует «истинному положению вещей», но нужна лишь для удобства. Сказать о том, что мы всегда будем говорить об убеждениях и желаниях,— значит утверждать, что обыденная психология может остаться наилучшим средством предсказания того, что наши друзья и знакомые будут делать в следующий момент. Это, пожалуй все, что можно выразить словами «сознание существует реально» [9, p. 282].

Несмотря на свой прикладной характер, ни обыденная психология, ни воспроизводящая ее ТРД не могут разрушить надежды реалистов простым указанием на их беспочвенность. Рорти со свойственным ему прагматизмом вообще выводит эту проблему за рамки рассмотрения как не представляющую интереса. Однако допустим, что кто-то стал бы настаивать на разумности ее постановки даже несмотря на необходимость продемонстрировать, как обыденная психология соотносится с более специфическими соображениями о природе убеждений и желаний, их месте во внешнем мире, о том, каким образом они выступают причинами действий и т. д. В этом случае Рорти, приняв проблему к рассмотрению, тут же попытался бы снять ее с помощью трех тезисов, которые вместе составляют его «нередукционистский физикализм».

Характерный для интерпретационного подхода первый тезис гласит, что «любое событие (в которое вовлекаются субъекты) может быть описано с одинаковым успехом в ... неинтенциональных и интенци-ональных ... терминах». В соответствии с указанным подходом описываемое высказывание не содержит в себе каких-либо экстралингвистических критериев «правильного» описания вещи, природа которой будет постепенно выявляться во все более точных описаниях [9, p. 279]. Согласно второму тезису, высказывания в повседневной практике полифункциональны и потому не нуждаются для придания им истинности в опоре на «внешнюю» ситуацию (действительное положение дел), ошибочно воспринимаемую как критерий истинности высказываний и гарантия их осмысленного употребления [там же]. Несомненно, что именно этот тезис относится к рассмотрению высказываний в рамках как обыденной психологии, так и репрезентирующей ее ТРД. Отсюда следует третий тезис: то, что мы подразумеваем и говорим, отражает наше словоупотребление, пребывающее в постоянном «движении» под давлением «внутренних стимулов» — всякого рода изменений в связях между убеждениями и желаниями, дающих материал для истории, которую мы непрерывно рассказываем о самих себе [там же].

Опираясь на эти тезисы, Рорти развеивает последние надежды на то, что ТРД может противостоять курсу на объяснительную редукцию. Эта теория приписывает личности своего рода субстанциональное ядро, находящееся, по замыслу, в объективном отношении к миру. Природа этого отношения и стала яблоком раздора в современной философии¹⁴. Однако, следуя логике рассуждений Дэвидсона, Рорти делает вывод о том, что никакое ядро, и следовательно, никакая связь не может быть установлена вне эмпирической науки. Ибо нам не дано вылезти из собственной кожи и установить, как соотносятся высказывания с их предполагаемым смыслом. Мы не можем наполнить реальным смыслом метафору, которой придаем столь большое значение: «реальность — критерий истинности наших суждений». С другой стороны, мы не в состоянии с уверенностью что-либо сказать о том, что кроется «за» высказываниями, посредством которых мы пытаемся выразить нашу реальную сущность. Вспомним, что первый тезис Рорти позволяет нам описывать наши поступки и как действия, и как поведение, имея в виду, что действие содержит некое конституирующее начало подлинной деятельности, чего объективно лишено поведение.

¹⁴ Рорти развивает свой подход с учетом наследия трех главных парадигм Западной философии: платоновско-христианской философии, неокантианства и нередукционистской материалистической модели.

Точно так же приписывание себе и другим рациональности и вера в свою способность отличать ее от «фактической» наличности — означают что мы оказались в плену представлений будто различие между аналитически и синтетически истинными высказываниями задается чем-то помимо контекста и речевого употребления. И наконец, тезисы Рорти противоречат утверждениям о том, что наши ментальные состояния «репрезентируют» внутренние представления о мире и, если мы вдруг верифицируем используемые в речи понятия (т. е. породим новые, близкие к «трансцендентным», значения слова), то они выразятся в высказываниях, истинность которых субъект может установить, сравнив их содержание с содержанием внутренних представлений.

Во всем, что современная философская традиция видит особенного в отношениях человеческого существа с миром, Рорти готов признать лишь отношения причинности¹⁵. По мнению Рорти, эти отношения между субъектом и миром — взаимны. Несмотря на то, что субъект является лишь составной частью мира со всеми его каузальными связями, он обладает особым свойством описывать собственное участие в этих отношениях посредством разнообразных языковых игр. В ходе одной из них, пишет Рорти, в описании «ментальных» состояний «раскрываются некоторые, но не все, внутренние причины поведения человека, и раскрываются они в «менталистских» терминах» [9, p. 291].

Главный итог проведенного анализа таков: все, что человек говорит о своих действиях и связанных с ними убеждениях и желаниях, следует «... рассматривать как *бытие* личности, а не как то, что личность имеет» [9, p. 292]. Данное утверждение, с учетом других высказанных Рорти идей, лишает парадоксальности наши предыдущие замечания, что мы не можем дать правильный ответ на вопрос, кто или что есть реальный «рациональный деятель», особенно применительно к деятельности представителей *Homo Sapiens*. Можно бесконечно фантазировать о самих себе и о не открытой пока человеческой сущности, даже не подозревая о том, что подобные разговоры так и не выйдут за пределы нашей практики.

III

Теперь я хочу обратиться к познанским теоретикам, чтобы установить, насколько их взгляды, едва ли разработывавшиеся с оглядкой на рассмотренные выше теории, сопоставимы с основными течениями интерпретационной парадигмы. Этот вопрос представляет особый интерес ввиду того, что познанская школа с начала 70-х годов причисляла себя к марксизму. Поскольку познанцы действительно наметили контуры своеобразной интерпретационной теории, мы ставим задачу рассмотреть влияние на нее марксизма (точнее одной из его версий)¹⁶. Другой ключевой вопрос касается особенностей трактовки деятеля-субъекта в интерпретационистских схемах познанцев, имея в виду влияние на них марксистской теории.

На первый взгляд кажется, что познанцы разделяли позицию научного реализма и, более того, отстаивали объяснительную редукцию (соответствие сменяющихся друг друга научных теорий). При поверхностном прочтении наиболее значительных текстов, подготовленных за 20 лет существования школы, остается впечатление, что наука по всему фронту поступательно «приближается» к «истинной» картине природы объектов. Это впечатление, главным образом, основывается на трех основных положениях познанской доктрины: теоретическая идеализация науки, отчетливо увязанная с эссенциалистской онтологией, предпочтение объяснительной редукции (принципа соответствия), обосновывающее оптимистический взгляд на смену и развитие теорий, и, наконец, несомненное антиредукционистское отношение к природе изучаемых гуманитарными науками объектов¹⁷.

¹⁵ С точки зрения последовательного антиэссенциализма Рорти рассматриваемая им причинность явно сводится к событийной причинности, понимаемой как реконструируемая эмпирической наукой регулярность, не являющаяся онтологической причинностью.

¹⁶ В 1985 году автор завершил оставшееся неопубликованным специальное исследование «К вопросу о марксистской теории объяснения и понимания. Теория действия Познанской школы», в котором была предпринята попытка сравнить некоторые релевантные западные теории с трудами Познанской школы и выявить ее отличительные особенности, приобретенные под влиянием марксистского учения. Здесь упоминаются лишь некоторые результаты этого исследования.

¹⁷ Из трех «краеугольных камней» только последний более или менее сохранил ту форму, которую ему придали Кмита и Новак в 1969 году [30]. Два других претерпели столь значительные изменения, что возникла проблема идентификации школы. Читатель должен иметь в виду, что версия Познанской школы, которой придерживается автор, в значительной степени идеализирована.

При внимательном чтении все оказывается несколько сложнее, так как представляется, что познаньские теоретики могут и не быть реалистами, как это кажется на первый взгляд. Характеризуя их позиции, мы не упомянули еще о своеобразии версии марксизма, повлиявшей на их теоретические (ре)конструкции. Здесь важно отметить ее историческую — чтобы не сказать «историцистскую» — ориентацию, «диалектику сущего и видимого» где сущность есть конкретность («тотальность») собственных форм проявления, и, в особенности, социологизированную концепцию «практики», которая базировалась на двух предыдущих принципах¹⁸. Если говорить в целом, в теоретических исканиях Познаньской школы сочетание принципов философии науки и марксизма дало гибрид, в чем-то напоминающий «внутренний реализм» раннего Патнэма и «онтологический релятивизм» Куайна. Иными словами, познаньская школа едва ли придерживалась реалистической теории приближения к истине в процессе познания, или марксистской теории «отражения» (копирования). Это я собираюсь продемонстрировать, прибегнув к разграничению (имеющему для традиции Познаньской школы ключевое значение) дотеоретического и теоретического объяснения, которое особенно важно проводить в контексте так называемой «гуманистической интерпретации». Именно этим термином познаньцы обозначали свою реконструкцию логики гуманитарных и общественных наук.

Различение между дотеоретическим и теоретическим уровнями [31] пересекается, но не совпадает с принятым в анализе эпистемического статуса теорий делением на теоретический и эмпирический уровни. В трудах Познаньской школы это разграничение приложимо прежде всего к семантике теорий, то есть к переходу от так называемого буквального соответствия утверждений в теории T к его функциональному эквиваленту в другой теории T'' на основе реконцептуализации эмпирической базы теории T' . Основная идея сильно напоминает тезис Куайна об онтологической относительности [32] и заключается в том, что утверждения о референтах некоторой теории выходят за ее рамки, где вступает в силу метатеория (имеются в виду например, различия между употреблением аборигеном слова «gavagai», его предполагаемым объяснением смысла этого употребления и соотнесением лингвистом слова «gavagai» со словом «кролик» и т. п.). Но это же понятие относительности сравнимо с мнением Патнэма о том, что никакая последовательная смена уровней или степеней соотнесения, сопровождаемая соответствующими изменениями в «эмпирическом» обосновании очевидности соответствий в «теории», не дает надежды на все более точное приближение к «истинной природе» объектов [33].

В рамках гуманистической интерпретации познаньской школы примером различения дотеоретического и теоретического может быть замена ТРД «обыденной психологией». Последнюю можно определить как «наивное» сознание, не ведающее о сходстве между собой и своим объектом. Обыденная психология сама является продуктом того, что она изучает, то есть действий. Иными словами, и обыденная психология, и ее объекты являются результатом действий. По этой причине познаньские теоретики вслед за своим знаменитым предшественником Ф. Знанецким, признают так называемый «гуманистический коэффициент» (ГК) [34; 35, ch. 2], объединяющий интерпретационную теорию с ее объектом, то есть действие с его детерминантами. Вместе с тем, толкование интерпретационной теории под эгидой ТРД лишено статуса независимой и более точной репрезентации неадекватного, но вместе с тем четко выделенного референта. Это толкование скорее вскрывает функциональный *raison d'être*, так сказать, повседневного и, одновременно, научного взгляда (интерпретации) на поведение в контексте социокультурного стандарта рациональности, проявляющегося в «гуманистическом коэффициенте» каждого единичного деятеля.

Представленная здесь теория пахнет трансцендентализмом, ибо гуманистический дискурс о действиях и их продуктах имеет ту же самую природу, что и его мнимый объект: оба относятся к производящему дискурсу сознанию. Однако возникает вопрос, предполагает ли эта трансцендентальная перспектива выход на онтологию действия, то есть к концепции природы или сущности действия, которая бы выходила за рамки дискурса. Ответ на него гласит, что теория познаньцев — онтологически бесплотна: они не предпринимали попыток дать независимые определения основаниям (reasons) действий, самим действиям и связям между ними и меньше всего стремились к их осмыслению в рамках какой-либо теории внешних событий, процессов и т.

¹⁸ ¹⁸ Познаньская школа обратилась к марксизму уже после того, как многие существенные аспекты перечисленных выше теоретических оснований были уже разработаны. Остается, однако, неясным, было ли обращение к марксизму в начале 70-х годов продиктовано чисто политическими соображениями, или это учение само по себе вызвало специальный интерес в качестве инструмента и объекта анализа.

Это особенно очевидно, если учесть, что ТРД, лежащая в основе реконструкции познаньской школой объяснительной практики в гуманитарных дисциплинах, не является теорией внешнего плана действия [реготмансе], то есть теорией, объясняющей, как происходят действия-события, или как деятель оказывается их причиной²⁰. В лучшем случае их теория указывает на семантическую «компетентность» деятеля в деятельности. Ведь претендуя на реконструкцию объяснения в обыденной жизни, теория должна соответствовать языку повседневных суждений о действии. Однако контраст между компетенцией и внешним планом деятельности напрямую связан с проблемой, которую теория действия, начиная с момента своего появления в 60-е годы, тщетно пыталась разрешить. Необходимо было ответить на вопрос, как можно совместить семантическое пространство интенционального действия с концептуальной рамкой событий и его причин, при том, что действия — суть одновременно внешние проявления и как таковые являются еще событиями. Некоторые сводили этот вопрос к проблеме объединения интенциональной и экстенциональной семантик причинности события, отказываясь, таким образом, от анализа собственно причинных отношений.

Как объяснить, почему познаньская школа довольствовалась рассмотрением лишь семантической компетентности? Может быть это была попытка реконструировать объяснительную практику в гуманитарных науках, не прибегая к рассмотрению внешнего плана деятельности? Может быть познаньцы разделяли взгляды тех западных философов, которые фактически «ограждали» ТРД от попыток свести объяснительную редукцию к эмпирической теории ее компонентов? Или они считали ТРД внутренне непротиворечивым, закрытым, самодостаточным дискурсивным образованием?

Если, придерживаясь буквального прочтения текстов, ответить на эти вопросы утвердительно, то необходимо признать, что познаньские теоретики оставили нерешенными целый ряд трудностей. С одной стороны, они считали, что практика объяснения в гуманитарных науках полностью отвечает логике естественнонаучного объяснения. Они утверждали, что привлечение не поддающихся строгому определению факторов типа вживания, интуиции и т. п. является изобретением философов, не склонных к принятию позитивистских канонов объяснительной логики; изобретением, которое не находит обоснования в реконструкциях объяснительной практики гуманитарных дисциплин. Однако, учитывая, что познаньцы придерживались усеченной теории действия, не знавшей внешнего плана деятельности (то есть причинных факторов), возникает вопрос, действительно ли их реконструкция методов гуманитарных наук соответствует утверждению о том, что эти науки по своим методам «естественные».

В ряде глубоких работ об эпистемологическом статусе естественных и гуманитарных наук, А. Розенберг обратил внимание на многие трудности, возникающие из более или менее явного допущения познаньскими теоретиками, в их терминологии, «гуманистического коэффициента» или принципа рациональности [39; 40]²¹. Главная трудность заключается даже не в демонстрации специфических для гуманитарной области закономерностей, а скорее в разработке параметров фиксации этих закономерностей и установления их коррелятов в действительности. Розенберг утверждает, что проблема кроется в самой природе этих дисциплин, поскольку введение ГК делает невозможным независимую характеристику, а следовательно, и теоретическую спецификацию элементарных понятий описания и объяснения. Главная проблема состоит в том, что подобные построения «не отвечают» необходимым критериям теории, имеющей реальную объяснительную способность, поскольку отсутствие независимых описаний надежно ограждает их как от ложности, так и от практической применимости [39, p. 88].

Иллюстрируя свою точку зрения на примере экономической теории (принимающей

¹⁹ Строго говоря, попытку построить теорию действия, сходную с западными теориями, предприняли только В. Патриас (разрабатывавший скорее формально-методологические аспекты объяснения) [36] и А. Клавитер (на основе теории исторического материализма) [37]. В поздних, ориентированных на марксизм работах Кмиты встречаются отдельные пассажи, однако концепция ГК первоначально была разработана независимо от теории действия *sensu stricto* в 1970—71 годах.

²⁰ Р. Туомела отмечает, что принцип рациональности не обладает реальной силой, будучи помещенным в контекст «интенционалистских» теорий, в то время как каузалистские теории не только отказываются от причинного анализа, но и обнаруживают свою неспособность дать адекватную картину внешнего плана деятельности [22; 38].

²¹ Кроме указанных источников Розенбергом написано несколько статей о состоянии экономической теории.

«допущение рациональности» и принцип максимизации полезности) Розенберг пишет: «Поскольку все, что делают люди — все, что, с позволения сказать, свойственно человеку, — делается с целью максимизации полезности, любой фрагмент наблюдаемого человеческого поведения, который мы задумали бы описать (хотя бы косвенно) с помощью объяснительных переменных (экономической.— Ред.) теории (таких как убеждения деятелей, разделяемые ими предпочтения, уровень информированности о производственных процессах и других внешних факторах), будет сам по себе отражать воздействие каждой из этих переменных. Почему? Потому что каждая объяснительная переменная задает собственный уровень максимизации полезности, а все поведение деятелей всегда ориентировано на максимизацию. Если эта теория корректна, то мы не сможем отделить друг от друга эти переменные ни умозрительно, ни на практике только потому, что она описывает все человеческое поведение» [39, p. 88].

Такое положение дел является следствием «максимализма» теории, стремления дать исчерпывающее объяснение всему поведению в силу тезиса о том, что поведение целиком направлено на максимизацию полезности [39, p. 81—84]. Поэтому здесь нет никакого уровня поведенческих или объяснительных переменных, которые бы выходили за рамки теории и, в то же время, могли бы рассматриваться в качестве «источника поведенческих описаний некоторых или всех объясняющих переменных» [39, p. 82].

Аргументы Розенберга особенно убедительны, когда он рассматривает обобщающие философские реконструкции «максималистских» теорий поведения, в той или иной мере допускающих «принцип рациональности». Идет ли речь о «полной» (perfect) или «неполной» (imperfect) рациональности, этому принципу (постулату, допущению) обычно придается статус «глубоко укорененного теоретико-номологического принципа». Приведенное выражение П. Черчлэнда означает, что названный принцип невозможно отрицать, не прибегая к концептуальным фокусам при формировании наших представлений о реальности, будь то физическая реальность, или, к примеру, реальность интенционального поведения. Розенберг оспаривает «укорененность» принципа рациональности, то есть его связанность с законами высшего и низшего по отношению к нему уровней теории. В доказательство он просто указывает на отсутствие независимых характеристик используемых понятий (убеждений, желаний и т. п.). Он поясняет: «Теперь, чтобы укоренить (...) *L* [объясняющий действие принцип рациональности Черчлэнда — Э. С.] необходимы независимо выделенные генерализации, касающиеся, например, внешних детерминант убеждений, желаний и последствий действия, индивидуализированных или агрегированных. Ясно, что эти закономерности должны устанавливаться независимо, то есть их очевидность должна быть принципиально доказуема без опоры на исходное допущение об истинности *L*. Но отсюда следует, что эти законы не могут содержать в себе ни одного общего с *L* параметра (желание, действие и др.)^{так} как значение таких параметров функционально задается предположением об истинности *L*. С другой стороны, если эти законы не будут содержать подобных понятий, то исключительная прерогатива *L* задавать значения собственных понятий *ipso facto* лишает возможности установить связи между параметрами и параметрами генерализаций о детерминирующих желания факторах (описанных, разумеется, в иных терминах) и последствиями действий (описанными не в терминах действия) [39, p. 105].

Встает вопрос, способна ли подобная познавательная теория, для которой принципы рациональности стоят выше усеченной, сведенной к лингвистической компетенции, а потому не имеющей выходов на внешний план деятельности теории действия, воспользоваться плодами дискуссии о статусе объяснения в гуманитарных науках? Не провозгласили ли познавательские теоретики неприкосновенность ГК, признав имманентную «интерпретационную» природу всех упомянутых выше параметров действия и связей между ними? В таком случае может показаться, что в их теории присутствует момент онтологизации подобно тому, как при описании специфического типа «интенционального объекта» (Р. Ингарден) в теории, берущей свое онтологическое начало в актах сознания и имеющей реальное экзистенциальное обоснование в поведенческих событиях. (Здесь возникает аналогия с «компонентной» теорией действия И. Толберга, использованной Х. Ленком при разработке собственной концепции, в которой действие и его результирующие компоненты рассматриваются как «интерпретационный конструкт».)

Если так, то мы сталкиваемся с другой проблемой, а именно, с проблемой поиска фактора, который связал бы эти гетерогенные компоненты в единую структуру действия. Здесь можно вспомнить минималистскую концепцию действия Вебера, согласно которой *мы* можем говорить о действии при наличии некоторого поведения, которому агент «приписывает» субъективный

смысл²². При буквальном понимании кажется, что веберовское определение делает действие полностью «субъективным», поскольку поведение вроде бы не играет никакой роли в определении контуров субъективного значения, а кроме того умалчивает, каким - образом поведение «связывается» со смыслом. Короче говоря, отсутствие за внешним поведением видимой внутренней структуры, посредством которой комплексу «смысл — поведение» задавалась бы онтологическая привязка, делает возможным «связывание» одного и того же «субъективного смысла» то с одним, то с другим поведением так, что внутренняя сущность ни одного из компонентов не претерпевает изменений.

Между тем, в настоящее время любая попытка обнаружить внутреннюю структуру сталкивается с ограничениями, выдвинутыми Куайном в отношении всякого рода «интенциональных объектов». Как было указано выше, рассмотрение проблем внутренней структуры вроде бы подтвердило правоту радикальных выводов Куайна о «неопределенности перевода» и тесно связанного с ними принципа «нестрогих референтных связей» в особенности там, где речь идет об интенциональных контекстах [42]²³.

Что бы сказали познательские теоретики по поводу знаменитого примера Куайна с антропологом, пытающимся понять смысл употребления аборигенами слова «gavagai»? Заметим, что прежде всего они обратили бы внимание на то, что антрополог делает. Они бы утверждали, что в своей практике он во всем исходит из рациональности — все время что-то классифицирует по определенным категориям — и, что гораздо менее очевидно, его деятельность неизбежно соотносится с тем, что он ожидает обнаружить в поведении «противной стороны». Пролитывает ли эта апелляция к рациональности какой-нибудь свет на внутреннюю структуру действия? Куайн, со своей стороны, утверждает, что по отношению к «смыслу», который могли бы приписать своему поведению либо антрополог, либо абориген, не существует никакого основания для вывода о внутреннем соответствии между поведением и сопровождающим его описанием, а кроме того, нет причин предполагать наличие некоторых общих для аборигена и антрополога категорий «действия». Таким образом, вместо того, чтобы искать в сфере гуманитарных наук некоторую доступную всеобщему обозрению и осязанию «сущность», ограничивающую произвол в толковании их объяснительной практики, было бы лучше говорить о бесконечной цепочке интерпретаций.

Один из комментаторов куайновского тезиса неопределенности утверждал, что «неопределенность» распространяется не только на стандартные «детерминанты» действия (убеждения, желания), но и на высказывания. По мысли Куайна действие само имеет имманентную неопределенность [43]. Похоже, что позиция познательской школы не противоречит данному выводу, ибо я уже подчеркивал отсутствие в теориях ее представителей каких-либо разграничений между внешним планом деятельности и лингвистической компетентностью. Любая онтологизация действия была бы в этом случае *ipso facto* «субъективной», то есть узко интерпретационной и ограничивалась бы рамками «гуманистического коэффициента». Однако и здесь имеется осложняющее обстоятельство: теоретики познательской школы различали «задуманное» и «осуществленное» действие²⁴. Представляется, что для их разграничения вводится особый критерий идентификации действия, отличный как от семантического, то есть интенционального критерия, так и от поведенческого, то есть экстенционального. Возможно ли, чтобы познательцы полагали существование некоторого класса сущностей, обозначаемых термином «действие»?

Чтобы понять смысл этого вопроса, рассмотрим следующий сценарий [46]. Во сне, на верху известной башни мы видим Галилея, Аристотеля и Эйнштейна. Видим в тот момент, когда каждый из них собирается, так сказать, «бросить шар вниз». Позднее вспоминая этот сон, мы спрашиваем себя, есть ли основания для сомнений в том, что каждый из них собирается совершить «одно и то же действие» (абстрагируясь от чисто технических подробностей, связанных с индивидуализацией событий: Галилей бросит шар левой рукой, Эйнштейн — правой и т. д.). Опираясь на скудные хрестоматийные знания по истории науки, я понимаю, что переход от Аристотеля к Эйнштейну через Галилея (среди прочих!) знаменует громадный сдвиг в нашем восприятии свойств физических процессов. Это понимание может обостриться даже у

²² «Мы будем говорить о действии тогда, когда действующий субъект связывает [verbindet] некоторое субъективное значение со своим поведением» [41].

²³ Эти же проблемы с различных точек зрения рассмотрены в сборнике статей [14].

²⁴ Кмита делал такое разграничение при рассмотрении проблемы объективной интерпретации от третьего лица и субъективной интерпретации от первого лица [44; 45].

постороннего в философии науки человека, если он хотя бы краем уха слышал о спорах, в которых сталкивались между собой склонность к «научному провинциализму» Т. Куна, «безалаберность» П. Фейерабенда, «слепой интеллектуализм» И. Лакатоса и т. п. Так, если прав Фейерабэнд, ни один из стоящих на вершине пресловутой башни не увидит «один и тот же» закат солнца, даже если они все вместе потратят уйму времени на ... Что? Если они не могут увидеть один и тот же закат, то что дает нам, видевшим сон, право утверждать впоследствии, что во сне они все бросили, собирались бросать, или думали, что собирались бросать шары? Если каждый из них живет внутри связанной картины мира, можно с уверенностью сказать, что силы, влияющие на их «солнца», в определенной мере будут влиять на то, что каждый из них делает со своими шарами, так что, если три «мира» приводятся в действие различными, предположительно не тождественными (несовместимыми друг с другом), силами, бросание шара, так же как и движение солнца, не будет демонстрировать единые для трех миров свойства. Следовательно, поскольку одно и то же событие — бросание шара — получит в описаниях действий три различные (выражаясь языком Дэвидсона) индивидуации, в центре внимания окажутся не свойства самого события, а только свойства, которые приписывали своим действиям соответственно Галилей, Аристотель и Эйнштейн. Иными словами,— те и только те свойства, которые каждый из них мог бы признать, отвечая на вопрос, что он делает, ибо каждый выбрал бы единственный вариант описания в качестве правдоподобного отчета о своих действиях (хвала бессоннице!).

А теперь предположим, что Эйнштейн знает о том, что его теория, определяющая его намерения относительно шара, уточняет, либо по всем статьям превосходит теорию Аристотеля. Допустим даже, что он относится к поведению Аристотеля примерно так, как Лавуазье относился к алхимикам, то есть он полагает, что Аристотель, как и алхимики с точки зрения Лавуазье, городит чепуху. В этой ситуации Эйнштейн мог бы спросить, как нам выделить в описании, которое, по нашему предположению, не имеет никакого отношения к причинно-следственному событийному комплексу, реальное событие взаимодействия Аристотеля с шаром. Может ли намерение, точнее формирующие его убеждения, детерминировать событие? Эйнштейн, конечно же, согласится, что падение шара имело место после того, как Аристотель принял решение на него «воздействовать»; однако то, что он осуществил, ни в коем случае не является действием, которое он «задумывал». Иными словами, то, к чему привели действия Аристотеля, не имеет ни малейшего (sic!) отношения к его описанию «задуманного» действия, хотя наблюдаемая связь между итоговой ситуацией и поведенческим событием действительно такова, какой ее описывает Эйнштейн. Таким образом, в отличие от Аристотеля, Эйнштейн производит именно те действия, которые имеет в виду.

Был бы Эйнштейн сторонником теории действия, он мог бы сказать, что критерий Дэвидсона недостаточен для идентификации действия. Между действием и его результатом, по Дэвидсону, должно быть

отношение, аналогичное классическому соответствию истине [truth-correspondence]: можно сказать, что результат, положение дел в объективном мире сам по себе доказывает истинность утверждения о том, что он является следствием соответствующего действия, подкрепленного определенными убеждениями. Это означает, среди прочего, что при отсутствии правильной теории некоторые интенциональные поведенческие акты не будут действиями (в полном смысле этого слова), и что иногда субъекты будут успешно выполнять действия, руководствуясь, так сказать, «ложными мотивами». А поскольку «правильность» мотивов может быть установлена только *ex post actu*, то выходит, что, говоря языком Дэвидсона, существует такое описание события, которое делает истинным его отождествление с действием, безотносительно намерений самого субъекта. Это было бы равносильно утверждению о существовании особого класса действий, отличного как от мнимых интенциональных действий («задуманных действий»), так и от простых актов поведения.

Такова ли позиция Познаньской школы? На этот вопрос трудно ответить однозначно ввиду того, что противопоставление задуманного действия осуществленному не тождественно противопоставлению до-теоретического и теоретического описания и объяснения. Последнее, как мы видели, было сформулировано для того, чтобы, не становясь на точку зрения провозглашающего конвергенцию реализма, оправдать смену теорий в науке. Вместе с тем, чтобы отличить задуманное действие от осуществленного, необходим независимый критерий, который бы связывал то, что происходит в мире, с тем, что осуществляется с точки зрения субъекта действия. Без такого критерия Эйнштейн не сможет доказать, что только он делает то, что, по его словам, он собирался сделать, потому что объективный мир, а следовательно, и значение действий

в мире оказывается лишь тем, что его теория говорит об этом. Все же в отношении сменяемости теоретических конструкций мы полагаем, что позиция познательской школы близка к «внутреннему реализму» Патнэма и «онтологическому релятивизму» Куайна.

«Неужели все постулируемые одним поколением теоретические сущности ... недействительны для науки будущего? ... Новая мета-индукция полностью вытесняет предыдущую,— писал Патнэм.— Сегодня мы не употребляем научные термины (приблизительно) пятидесятилетней давности, точно так же выйдут из употребления и современные понятия (исключая, быть может, термины наблюдения, если таковые вообще есть)» [33, р. 24—25].

В терминах действия тревогу Патнэма можно выразить следующим образом: неужели все, что определяло действия Галилея и воздействовало, как он полагал, на падающий шар,— для нас лишь кажимость? Неужели все, что Эйнштейн считает сегодня эффективным действием, на самом деле не соотносится с теми свойствами, которые он приписывает состояниям и процессам, воздействующим, по его мнению, на -его намерения?

С точки зрения «внутреннего реализма» патнэмовская метаиндукция ведет в тупик, и мы полагаем, что такую же позицию занимали и представители познательской школы. В то же время «внутренние реалисты» блокируют постановку этой проблемы в терминах действия, так как они отказываются «объективистски» понимать осуществленное Действие и постулировать неопределенность, при которой единственным

средством установления смысла действия является интерпретация. Однако в трудах познательских теоретиков нет ни того, ни другого либо просто по умолчанию, либо по какой-то причине. Мы полагаем, что причина была.

По нашему мнению, ее следует искать в опоре на некоторые понятия из репертуара марксистской философии. Прежде всего мы имеем в виду весьма неопределенное понятие «практики», которое может вмещать в себя все, начиная от материального производства и кончая знаковым самовыражением. Почему именно это понятие оказывается в центре нашего внимания? Потому что здесь мы имеем дело с одним из самых влиятельных течений в современной философии социальных наук — антипсихологизмом. Несмотря на существование различных подходов к анализу действия, очень немногие готовы сейчас трактовать «основной компонент» действия — формирующие поведение намерения, мотивы, установки, «субъективный смысл» и тому подобное — в узко психологических терминах. [35, ch. 2]. Мы уже видели, что антипсихологизм свойствен самым различным исследовательским стратегиям. Так, например, Куайн рассматривает усиление влияния этого течения как свидетельство осознания того, что интенциональный контекст, даже при включении в него понятия действия, недостаточен для объяснения. Если нельзя найти твердую опору в психологических состояниях и процессах, якобы задающих действию «вектор», то может ли дискурс действия быть чем-нибудь иным, кроме как удобным, несмотря на «неопределенность перевода», *façon de parler*.

Познательские теоретики, напротив, относили себя к антииндивидуалистскому, точнее, к эмерджентистскому течению антипсихологизма, выступавшего у них под эгидой «практики». Это значит, что приписываемые деятелю интенции в реальности «детерминируются» практикой, а ее структура и свойства, согласно марксистскому тезису, не тождественны интересубъективным отношениям. Вместе с тем, познательские теоретики отдавали предпочтение функционалистскому пониманию практики, согласно которому практика имеет ту структуру (и компоненты), которую имеет, дабы поддерживать некоторое глобальное социальное свойство, придающее этой структуре и составляющим ее компонентам специфический характер (например, посткоммунистическая социальная практика в Польше). Представители социальной теории на Западе склонны видеть в структуре практики лишь фактическую экзистенцию, и по этой причине они с подозрением относятся к марксистскому функционализму, согласно которому действия индивидов якобы подчиняются (и) законам другого рода²⁵. Действительно, различие познательскими задуманных и осуществленных действий приводит к тому, что для них индивид не сам и не полностью производит свои поступки. Кроме того, в теории практики пришлось ко двору и разграничение теоретического и дотеоретического контекстов объяснения: поскольку наука есть теоретизирование, она функционально детерминируется структурой практики (то есть адаптируется к ней), независимо от того, знают или не знают сами теоретики о зависимости от внешних условий в своих действиях²⁶.

²⁵ Особенно суровая критика содержится в монографии Э. Гидденса [47].

²⁶ Возможно, одним из источников динамической структурно-функциональной модели была марксова

В результате обзора основных положений доктрины познаний становится очевидным одно обстоятельство. Как бы они не разделяли пристрастий тех западных философов, которых мы отнесли к «интерпретационной парадигме», в частности пристрастий к тотальной семантизации сферы явлений, получившей у познаний название «гуманистического коэффициента», главное их отличие от западных коллег заключается в трактовке категории практики. Последняя несоизмерима с другими категориями, принадлежащими теории ПК, и ее следует рассматривать как категорию широко понимаемой социальной онтологии, заключающей в себе наряду с базовыми элементами индивидуального действия все многообразие отношения.

И здесь кое-что остается неясным. Оказывается, что перспектива внутреннего реализма — именно этот термин, по нашему мнению, наилучшим образом характеризует разрабатывавшуюся познаниями эпистемологию — не отводит сколь-нибудь определенного места указанной трактовке социальной онтологии (практики). Выход видится только в релятивизации последней через разграничение дотеоретического и теоретического контекстов объяснения. Но тогда необходимо, во-первых, относительно указанного разграничения пояснить, что успех того или иного объяснения функционально соотносим с релевантным практическим контекстом, а во-вторых, для всех контекстов дискурса, для всех практически значимых сфер жизнедеятельности общества необходимо каждый раз постулировать, что структура данного практического контекста такая-то и такая-то, что она обладает такими-то и такими-то свойствами и т. д. Относительно последнего утверждения может встать вопрос, каково функциональное основание подобной всеобъемлющей генерализации? Как возможен переход от «внутренней перспективы», заданной функциональной трактовкой практики, к непосредственному соприкосновению с миром вещей? Именно в этом пункте видится противоречивость доктрины познаний школы, которая заключается в несовместимости их социальной онтологии со взглядами на функциональную детерминированность и роль теоретического знания.

Из сказанного можно сделать еще один вывод, тесно связанный со вторым разделом статьи, в котором рассматривается развенчание Рорти философской значимости таких понятий, как «субстанциональное Я», «деятель», «личность» и что угодно еще, все, что можно было бы поместить (и помещали!) в центр паутины смыслов, столь дорогой сердцу западных защитников интерпретационной парадигмы. К этому же в итоге пришли и познанийские теоретики, несмотря на то, что, строго говоря, исходно придерживались «субстанциональных» догматов, т. е. противоположных тем, на которых строится — в понимании Рорти и К^о — «интерпретационная парадигма». Но поскольку концепция ГК разрабатывалась познаниями параллельно с последней, их итоговый вывод относительно субстанциональности субъекта выходит далеко за рамки ГК. Там, где Рорти предлагал элиминацию какого бы то ни было понятия субъекта, концепции ГК вмещалась чистая дискурсивность, что исключало возможность отрицания «субстанциональности» субъекта в рамках социальной онтологии практики. Иными словами, познанийская школа в конечном счете истолковывала убеждения, предпочтения и другие «детерминанты» не как Рорти — в рамках насущных требований практики или дискурса,— а скорее в рамках механизмов, структуры социальной практики. В этом отношении указанное ранее отсутствие теории «внешнего плана действия» можно объяснить тем, что они усматривали гораздо большее влияние на так называемый «результат» действия в «структурных» детерминантах, чем в непосредственных детерминантах поведения. Может показаться, что «рациональный деятель», не будучи субъектом собственных действий, т. е. лишенный «суверенитета», является скорее, по выражению Гидденса, «социальным болваном».

Выходит, что марксистская концепция практики у познаний выполняет ту же функцию, какую в других теориях действия выполняет теория внешнего плана деятельности. Социальная онтология практики дает ключ к пониманию движущих сил индивидуального действия, она содержит так называемые результаты действия и обуславливает взаимозависимость между действиями и результатами, представленную в «диалектике» действия задуманного и действия осуществленного. Получается, что познанийцы сами себя загнали в угол. Ведь их неприятие всего,

концепция самообновляющейся и саморелятивизирующейся природы труда. Продукты труда становятся его инструментами и связанные с этим становлением «объекты», открывая новые возможности для действия, способствуют появлению новых, отвечающих новой структуре действия «объектов». Новая структура действия содержит в себе предыдущие структуры, но преодолевает их в широком контексте практики. Этот процесс напоминает «диалектику» гегелевского *Aufhebung* (если оставить в стороне моменты отрицания и противоречия). Преодоленная структура берется [*aufgehoben* — Э. С.] как изменившееся условие для возникновения новой формы, несущей в себе отпечаток изменений.

что связано с психологией,— напоминающее установки Поппера времен «Открытого общества», а также его более поздние замечания относительно принципов рациональности в социальных науках,— не дает им вплотную подойти к «материальной» основе действия в смысле допсихологических факторов. С учетом влияния антипсихологизма на понимание деятельного начала [agency] социальная онтология практики в сформировавшейся под влиянием марксизма теории познаний на деле оказывается подобной попперовскому третьему миру. Опираясь на эту концепцию, Поппер доказывал, среди прочего, что эпистемология не нуждается в субъекте познания, а значит может обойтись если не без физического, то по крайней мере, без психологического актора. И действительно познания имели в виду действие без деятельного начала в том смысле, что оно скрыто в психофизиологии индивида. Но учитывая, что теоретизирование можно рассматривать прежде всего как действие, эпистемологическая программа познаний школы не столько дублировала, сколько развивала и радикализовала попперовскую программу. Если теоретизирование Поппера строится на чисто «логических» (эпистемологических) отношениях, и эти отношения имеют ту же самую природу, что и объединяемые ими теоретические построения, то у польских философов определяющие «результаты» отношения, в том числе и «результаты» теоретизирования, трактуются как функционально зависимые, то есть зависимые от того, что регулирует внутреннюю структуру социальной практики как целого и что, таким образом, нельзя свести к теоретическому дискурсу.

И снова нужно подчеркнуть, что данный вывод предполагает слишком серьезные онтологические допущения и не является прямым следствием ГК. На самом деле мы имеем неразрешимое противоречие между скромными возможностями концепции ГК для выводов об (онтологическом) статусе субъекта и импликациями социальной онтологии, избирательно заимствованной из подозрительного марксизма. Удалось ли познаниям теоретикам в итоге «социологизировать» свои теоретические разработки в русле марксистской критики идеологии? Если да, то не означает ли это поворот к Kulturphilosophie прошлого?²⁷

Литература

1. Scientific realism/Ed. by J. Leplin. Los Angeles; London: UCLA Press, 1984.
2. Churchland P. M., Hooker C. A. Images of science: Essays on realism and empiricism. Chicago: University of Chicago Press, 1985.
3. Laudan L. A confutation of convergent realism//Philosophy of science. 1981. Vol. 48. P. 19—49.
4. Rosenberg A., Hardin H. In defense of convergent realism//Philosophy of science. 1982. Vol. 49. P. 604—615.
5. Rosenberg A. If economics isn't science, what is it?//The philosophical forum. 1983. Vol. 14. N 3/4. P. 293—314.
6. Macdonald G., Pettit P. Semantics and social science. London: Routledge, 1980.
7. Margolis J. Constraints on the metaphysics of culture//Review of metaphysics. 1986. Vol. 39. P. 653—673.
8. Swidersky E. M. Strategies conceptuelles pour une philosophie de l'objet culturel: interrogations preliminaires aux bord d'un champs conceptuel//Studia Philosophica. 1989. Vol. 48. P. 113—122.
9. Rorty R. Non-reductive physicalism//Theorie der Subjektivitat/Hrsg. K. von Cramer, H. F. Fulda, U. Pothast. Frankfurt a/M.: Suhrkamp, 1990. P. 278—299.
10. Rosenberg A. Philosophy of social science. Oxford: Clarendon, 1988.
11. Churchland P. M. Eliminative materialism and propositional attitudes//Journal of philosophy. 1981. Vol. 78. P. 67—90.
12. Churchland P. M. Scientific realism and the plasticity of mind. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
13. Davidson D. A unified theory of meaning and action//Grazer Philosophische Studien. (Б. г., б. м.)
14. Action and interpretation / Ed. by C- Hookway, P. Pettit. Cambridge: Cambridge University Press, 1978.
15. Davidson D. Essays on actions and events. Oxford: Clarendon, 1980.
16. Schmid M. Handlungsrationality: Kritik einer dogmatischen Handlungswissenschaft. Miinchen:

²⁷ Эта гипотеза представляется весьма плодотворной, поскольку с начала 80-х годов внутри Познаний школы Кмита и его последователи целенаправленно разрабатывали теорию культуры, отчасти чтобы заменить механистическую марксистскую модель социального бытия, отчасти ради дальнейшей разработки марксистской теории социального познания.

- Wilhelm Fink, 1979.
17. Bodo A. Grundlagen der Erkennung menschlichen Handelns. Tübingen: J. C. B. Mohr/Paul Siebeck, 1983.
 18. Apel K.-O. Die Erklären-Verstehen Kontroverse in Transzendental-pragmatischer Sicht. Frankfurt a/M: Suhrkamp, 1979.
 19. Churchland P. M. The logic of action explanations//Philosophical Review. 1970. Vol. 79. P. 214—236.
 20. Tuomela R. Philosophy of Action//Contemporary Philosophy/Ed, by G. Floistad. Vol. 3. The Hague: Martinus Nijhoff, 1982.
 21. Stoutland F. Philosophy of action: Davidson, von Wright, and the debate over causation//Contemporary Philosophy/Ed. by G. Floistad. Vol. 3. The Hague: Martinus Nijhoff, 1982. P. 45—72.
 22. Tuomela R. Human action and its explanation. Dordrecht: D. Reidel, 1977.
 23. Subject, Thought, and Context/Ed. by P. Pettit, McDowell. Oxford: Clarendon, 1986.
 24. Latsis S. Situational determinism in economics//British Journal for the Philosophy of Science. 1972. Vol. 23. P. 207—245.
 25. A Pocket Popper/Ed. by D. Miller Oxford: Fontana, 1983.
 26. Thalberg I. How does agent causality work?//Action Theory/Ed, by M. Brand, D. Walton. Dordrecht: D. Reidel, 1980. P. 213—240.
 27. Lenk H. Handlung als Interpretationskonstrukt: Entwurf einer konstituenten-und beschreibungstheoretisch HandlungsphilosophieZ/Handlungstheorieninterdisziplinär/Hrsg. von H. Lenk. Bd. II. 1 Hb.: München: Wilhelm Fink, 1979. P. 279—350.
 28. Truth and interpretation: Perspectives on the philosophy of D. Davidson/Ed. by E. LePore. Oxford: Blackwell, 1988.
 29. Harre R. Personal being. Oxford: Blackwell, 1981.
 30. Kmita J., Nowak A. U teoretycznych podstaw humanistyki. Poznan: UAM, 1969.
 31. Zagadnienie przelomu antypozytywistycznego w humanistyce/Ed. by J. Kmita. Warszawa: PWN, 1978.
 32. Quine W. Ontological relativity and other essays. New York: Columbia University Press, 1969.
 33. Putnam H. Meaning and the moral science. London: Routledge & Kegan Paul, 1978.
 34. Znaniecki F. Wstep do sociologii. Poznan, 1922.
 35. Kmita J. Kultura i poznanie. Warszawa: PWN, 1985.
 36. Patryas W. Idealizacyjny charakter interpretacji humanistycznej. Poznan: UAM, 1979.
 37. Klawiter A. Problem metodologicznego statusu materializmu historycznego. Poznan: UAM, 1978.
 38. Tuomela R. Explanation and understanding of human behavior//Essays on explanation and understanding. Dordrecht: D. Reidel, 1976. P. 183—205.
 39. Rosenberg A. Sociobiology and the presumption of social science. Oxford: Blackwell, 1980.
 40. Rosenberg A. Philosophy of social science. Oxford: Clarendon, 1988.
 41. Weber M. Economy and society. New York: Bedminster Press, 1968.
 42. Quine W. Word and object. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1960.
 43. Hansen-Soles D. On the interminancy of action//Philosophy of the Social Sciences. 1984. Vol 14. P. 475—488.
 44. Kmita J. Szkice z teorii poznania naukowego. Warszawa: PWN, 1976.
 45. Kmita J. Z problemow epistemologii historycznej. Warszawa: PWN, 1980.
 46. Swiderski E. History, theory change, and action//Epistemologia. 1990. Vol. 13. P. 123—144.
 47. Giddens A. Central problem of social theory. London: Macmillan, 1979.

*Перевод с английского
кандидата социологических наук
О. А. ОБЕРЕМКО*